

Научная статья

УДК 81

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.16303>

EDN: <https://elibrary/PPAQHC>

ВОПРОС О ЦЕЛИ ВОПРОСА И МЕТАКОММУНИКАТИВНЫЕ СРЕДСТВА ЯЗЫКА (НЕМЕЦКО-РУССКИЕ СООТВЕТСТВИЯ)

Д.О. Добровольский^{1,2} , И.Б. Левонтина¹

¹ Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН,
Москва, Российская Федерация;

² Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

✉ dobrovolskij@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена языковым выражениям, которые мы называем метакоммуникативными. Такие выражения указывают на то, что говорящий комментирует не внеязыковую действительность, а собственные коммуникативные задачи или коммуникативные цели и навыки собеседника. В основе такого режима употребления лежит регулярный механизм переноса сферы действия слов с содержания высказывания на коммуникацию. Метакоммуникативные употребления близки к метатекстовым, а также к иллокутивным (риторическим) единицам, которые как бы формируют действительность, а не описывают ее. Разница между метатекстовыми и метакоммуникативными значениями состоит в том, что первые относятся к высказыванию, а вторые — к иллокутивной цели, но не формируя (как в случае с риторическими выражениями), а комментируя ее. В статье рассматриваются некоторые из метакоммуникативных единиц русского и немецкого языков. В центре нашего внимания стоят немецкие слова *warum* и *wieso* в значении ‘почему ты спрашиваешь’ и их русский эквивалент *а что*, а также выражения с более широким значением: *ты чего?*, *ты что*, *совсем уже?*, *ты с дуба рухнул?*, *ну-ну!*, *да ну тебя!* и т.п., которые могут служить реакцией на слова собеседника. Основной материал исследования — немецко-русский и русско-немецкий подкорпусы Национального корпуса русского языка.

Ключевые слова: русский язык, немецкий язык, параллельный корпус текстов, метакоммуникация, метатекстовые единицы, иллокутивная цель.

Для цитирования: Добровольский Д.О., Левонтина И.Б. Вопрос о цели вопроса и метакоммуникативные средства языка (немецко-русские соответствия) // Terra Linguistica. 2025. Т. 16. № 3. С. 31–45. DOI: 10.18721/JHSS.16303

QUESTIONING THE PURPOSE OF QUESTIONS: METACOMMUNICATIVE DEVICES IN LANGUAGE (A CONTRASTIVE STUDY OF GERMAN AND RUSSIAN)

D.O. Dobrovol'skij^{1,2} , I.B. Levontina¹

¹ Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation;

² Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

✉ dobrovolskij@gmail.com

Abstract. The article focuses on linguistic expressions we refer to as metacommunicative. These expressions indicate that the speaker is commenting not on extralinguistic reality but on their own communicative tasks or the communicative goals and skills of their interlocutor. This mode of usage is based on a regular mechanism of shifting the words' scope of reference from the content of the utterance to the communication itself. These metalinguistic usages are akin to metatextual expressions, as well as to illocutionary (rhetorical) units, which, in a way, shape reality rather than describe it. The difference between metatextual and metacommunicative meanings lies in the fact that the former pertain to the utterance itself, while the latter concern the illocutionary goal – not shaping it (as in rhetorical expressions) but commenting on it. The article examines some metacommunicative units in Russian and German. The focus is on the German words *warum* and *wieso* in the sense of 'why are you asking?' and their Russian equivalent *a chto*, as well as expressions with broader meanings, such as *ty chego?*, *ty chto*, *sovsem uzhe?*, *ty s duba rukhnul?*, *nu-nu!*, *da nu tebya!*, etc., which can serve as reactions to the interlocutor's words. The primary research material comes from the German-Russian and Russian-German subcorpora of the Russian National Corpus.

Keywords: Russian, German, parallel text corpus, metacommunication, metatextual units, illocutionary goal.

Citation: Dobrovol'skij D.O., Levontina I.B., Questioning the purpose of questions: Metacommunicative devices in language (a contrastive study of German and Russian), *Terra Linguistica*, 16 (3) (2025) 31–45. DOI: 10.18721/JHSS.16303

Введение. Постановка задачи

В языке есть регулярный механизм переноса сферы действия слов со значением, которое связывает между собой события, на смысловую связь между высказываниями. Это явление давно замечено; ср., например, [1, 2], где рассматриваются примеры типа *Он пришел, потому что дурак* vs. *Он дурак, потому что пришел*. Обе фразы правильны, что кажется парадоксальным. Дело в том, что если в первом случае *потому что* указывает на реальную причину, то во втором оно объясняет, почему говорящий пришел к такому выводу; о различии между собственно причиной и причиной-основанием; см., например, [3]. Иными словами, второе употребление является метатекстовым, то есть относится к самому высказыванию. Разумеется, его приход не является причиной его глупости — это причина выноса суждения о ней, то есть основание.

В разных языках имеются разнообразные способы маркирования перехода с текстового уровня на метатекстовый. Так, одно из довольно неожиданных средств обозначения такого сдвига — это отступление от стандартного порядка слов в немецком языке:

(1) *Es hat gestern in Petersburg geregnet, weil ich war dort.*

Как известно, в немецком придаточном предложении спрягаемый глагол должен стоять на последнем месте. Однако в современной немецкой речи это часто нарушается. Такое очень возмущает пуристов, но это «нарушение» нередко обусловлено смысловым сдвигом — в частности, именно переходом на метатекстовый уровень. Так, в примере (1) то, что говорящий был в Петербурге, — конечно, не причина дождя. Говорящий поясняет причину своей осведомленности о погоде в Петербурге тем, что он там был.

Ср. также пример из [4, с. 821]: *Er ist zu Hause. Weil das Licht ist an* [Он дома. Потому что свет горит]. Понятно, что говорящий не имеет в виду наличие каузальной связи между этими элементами ситуации. Характерно также, что между клаузами стоит точка, а не запятая. Это соответствует особому просодическому контуру таких высказываний (перед *weil* необходима пауза). С помощью *Weil das Licht ist an* (с прямым порядком слов, недопустимым в придаточных причины) говорящий поясняет, что свое умозаключение *Er ist zu Hause* он сделал на основании наблюдения, что в доме включен свет. Подобные употребления причинного союза достаточно типичны. В [4, с. 825–836] подробно обсуждаются и другие примеры такого типа: *Wann sehen wir uns wieder? Weil ich nehme nächste Woche Urlaub* [Когда мы снова увидимся? Потому что я на следующей неделе иду в отпуск]; *Peter ist krank, — weil er war beim Arzt* [Петер болен, — потому что он был у врача]; *Wo bist du denn? Weil ich sehe dich nicht* [Да где же ты? Потому что я тебя не вижу].

Близкое явление образуют употребления, которые лингвисты называют иллокутивными или риторическими; ср., например, [5, 6]. Автор обращает внимание на то, что некоторые союзы, например союз *раз*, ведут себя необычно: фраза *Раз я тебя пригласил, то я и заплачу* примерно синонимична фразе *Я заплачу, потому что я тебя пригласил*. Однако есть важное различие: когда человек употребляет союз *потому что*, он просто констатирует наличие причинной связи в жизни, а когда говорит *Раз я тебя пригласил*, он устанавливает причинную связь. По мнению Л.Н. Иорданской, в подобных случаях языковая единица не описывает действительность, а как бы формирует ее. В этом такие союзы сходны с перформативными глаголами. Например, глагол *умоляю* в перформативном употреблении сам и формирует акт «умоления», в отличие от глагола *упрашивать*, не имеющего перформативного употребления; ср. неправильное **Ну я тебя упрашиваю* (при этом правильно в дескриптивном режиме: *Я тебя уже два часа упрашиваю, и все без толку*).

Иллокутивные, или риторические, употребления исследовались также в работах [7, с. 56; 8, с. 45–64; 9; 10] и др. Анна А. Зализняк считает, что здесь имеет место особая реализация семантического перехода ‘делать’ → ‘говорить’ на уровне дискурса [11]. Так, по мнению автора, у единицы *раз* (уже) *на то пошло* есть «иллокутивный» режим употребления, в котором она «маркирует связь между двумя высказываниями: указывает на то, что высказывание W спровоцировано предшествующим высказыванием (принадлежащим тому же самому или другому говорящему)» [11, с. 371].

В философии языка используется также понятие метадискурса [12], то есть дискурса о дискурсе, близкое к понятию метатекста.

Таким образом, есть целый кластер смежных значений. В настоящей работе мы ставим перед собой цель выделить особый класс употреблений языковых единиц, которые мы называем метакоммуникативными, то есть такие случаи, когда обсуждаются не содержание высказывания и даже не форма его выражения, а коммуникативные установки говорящих. Для этого мы решаем ряд конкретных задач: мы выделяем в русском и немецком языках метакоммуникативные единицы, оформляющие вопрос о цели вопроса, и проводим их сопоставительное исследование на материале параллельного подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ). При этом необходимо уточнить семантику, структуру многозначности исследуемых единиц и синонимические отношения между ними.

Материалы и методы

В нашей статье мы хотим обратить внимание на близкие к перечисленным выше, но не тождественные им употребления языковых единиц, которые мы называем метакоммуникативными. Разница между метатекстовыми и метакоммуникативными значениями состоит в том, что первые относятся к высказыванию, а вторые — к иллюкутивной цели, но, в отличие от иллюкутивных (риторических), не формируют, а комментируют ее.

Заметим, что термин «метакоммуникативный» (*metakommunikativ*) широко употребляется в немецкоязычной лингвистической литературе, часто в расширительном значении, которое охватывает, помимо собственно метакоммуникативных употреблений, и обычные метатекстовые; ср. [4, 13]. В англоязычной литературе термин *metacommunicative* также вполне употребителен, причем используется именно в том значении, которое мы имеем в виду, то есть по отношению к коммуникации о коммуникации. В OED (Oxford English Dictionary) указывается, что этот термин используется с 1950-х годов: “The earliest known use of the adjective *metacommunicative* is in the 1950s” (https://www.oed.com/dictionary/metacommunicative_adj?tl=true).

Мы рассмотрим употребление немецкого слова *warum*¹ в значении ‘почему ты спрашиваешь’ и его русских эквивалентов; на это употребление немецкого *warum* и английского *why* обратила внимание И.Б. Левонтина в работе [14, с. 317–318]. Так, по-русски дико звучит диалог: — *У тебя спички есть?* — **Почему?*, в то время как буквальный перевод на немецкий очень естественен: — *Hast du Feuer?* — *Warum?*²

В своем исследовании мы опираемся на анализ корпусов — преимущественно на материал параллельного немецко-русского и русско-немецкого подкорпусов НКРЯ. На сегодняшний день объем немецко-русского подкорпуса — 20 896 209 слов, а русско-немецкого — 11 380 546 слов. Количество вхождений *warum* в этих двух подкорпусах — 11 603. Кроме того, некоторые немецкие примеры взяты из одноязычных корпусов: на платформе DWDS (Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache) Берлинско-Бранденбургской академии наук (<https://www.dwds.de/>) и DeReKo (Deutsches Referenzkorpus) Института немецкого языка в Мангейме (<https://www.ids-mannheim.de/digspra/pb-sl/projekte/korpora/>). При этом следует иметь в виду, что рассматриваемые единицы в нужных значениях используются преимущественно в устной речи, и что у некоторых из них есть омонимичные формы. Это затрудняет получение надежных статистических результатов.

Рассмотрим следующий пример метакоммуникативного употребления *warum*:

(2) „Wann warst du am Vormittag bei deiner Schwester?“ „Um elf rum?“, sagte Karl Hemling. „*Warum?*“ (Hansjörg Martin. *Einer flieht vor gestern nacht*. S. 94)

[— Когда ты утром был у сестры? — Примерно в 11, — сказал Карл Хемлинг. — *Почему ты спрашиваешь?* (перевод наш)]³

Первый говорящий задает вопрос о времени, второй кооперативно отвечает на него, а потом задает встречный вопрос *Warum?*, который относится, однако, не к причине визита к сестре, а к цели первого вопроса. Часто *Warum?* не дополняет, а заменяет содержательный ответ:

(2') „Wann warst du am Vormittag bei deiner Schwester?“ „*Warum?*“

[— Когда ты утром был у сестры? — *Почему ты спрашиваешь?*]

¹ Кстати, так же употребляется английское *why*.

² Это обычно не отмечается в немецких словарях, см., например, Wahrig G. *Deutsches Wörterbuch*. Nachdr. der 7., vollständig neu bearb. und aktualisierte Aufl. auf der Grundlage der neuen amtlichen Rechtschreibregeln / neu hrsg. von R. Wahrig-Burfeind. Gütersloh; München: Bertelsmann Lexikon Verlag, 2001. 1451 S.

³ Пример из DeReKo. В этой работе мы используем главным образом материал немецко-русского и русско-немецкого подкорпусов НКРЯ. Данные параллельного корпуса оказываются крайне полезными при исследовании слов со сложной семантикой, которые не допускают буквального перевода на другие языки. Ср. из работ последних лет [15–18]. Особенно значимыми оказываются работы, исследующие возможности интеграции параллельных корпусов с двуязычными словарями [19, 20].

Надо заметить, что вообще вопрос о цели вопроса — это прагматически небезопасное действие, в особенности если он не дополняет, а заменяет ответ (как в (2')). Отвечающий отказывается от своей коммуникативной роли, навязывая ее спрашивающему, что нарушает принцип кооперации.

Подчеркнем, что по-русски такое использование слов *почему* и *зачем* абсолютно невозможно. В этих случаях используется специальная единица *а что?*⁴ (— *Когда ты утром был у сестры? — А что?*). Само это выражение обойдено вниманием лингвистов, между тем оно многозначно⁵ и имеет интересную семантику.

Так, например, в Толковом словаре русской разговорной речи⁶ и в Словаре русских частиц⁷ такая единица не отмечается. В Словаре структурных слов русского языка⁸ она отмечена, но описана очень приблизительно. Впрочем, идея выяснения цели заданного вопроса в описании присутствует:

А что част. разг. Употр. в качестве ответной реплики в тех случаях, когда говорящий, не вполне понимая, с какой целью ему задается вопрос, хочет побудить собеседника к продолжению высказывания. — *Вы скоро уходите? — А что, я вам надоел? — Не пора ли собираться? — А что, уже поздно? Вы читали эту книгу? — Нет, а что?* (С. 32).

Как мы видим, в первых двух примерах в ответной реплике содержится вопрос не о цели первого вопроса, а о чем-то другом, и в них представлена не та единица, которая нас интересует — а скорее всего, это вообще свободное сочетание союза *а* и частицы *что*⁹. В третьем же примере представлено «наше» *а что*, его смысл не в побуждении к продолжению высказывания, а именно в получении информации о цели заданного вопроса.

Результаты исследования

Таким образом, мы установили особое значение немецкого слова *warum* и выявили соответствующую ему и ранее не описанную русскую дискурсивную единицу *а что*.

Приведем пример, иллюстрирующий значение русского *а что* (в отличие от *почему* или *зачем*) «почему ты спрашиваешь?»:

(3) И вдруг однажды встречаю я Шубкина в парикмахерской, где он подправлял края своей лысины за ушами. Он спросил меня: «Что вы сегодня вечером делаете?» — «*А что?*» — «Ничего, но если вам нечего делать, заходите часиков в семь.» Я спросил, *а зачем*, а он загадочно: придете — узнаете [Владимир Войнович. Монументальная пропаганда // Знамя (2000)].

Этот пример хорошо показывает различие между прямым и метакоммуникативным употреблением вопросительного слова: *зачем* используется в прямом режиме (как вопрос о цели прихода), тогда как *а что* — как вопрос о цели вопроса, то есть метакоммуникативно.

Вернемся к немецкому языку: он располагает еще одним словом, которое ошибочно считается полным синонимом *warum*, отличающимся только стилистически¹⁰, — словом *wieso*:

(2') „Wann warst du am Vormittag bei deiner Schwester?“ „Wieso?“

⁴ Местоимения вообще образуют много интересных дискурсивных единиц. О некоторых из них см. [21].

⁵ Помимо тех значений, которые мы рассматриваем в этой статье, у *а что* есть, например, и значение «почему бы и нет?». Ср.: *Финета. Я выдумала, чтобы вместо рукавиц на руки надевать чулки. Делаю. А что? ежели б это выдумали в Париже, так, я чаю, это бы было недурно. Финета. А разве не все равно, что в Париже, что в Петербурге.* [А.П. Сумароков. Ссора у мужа с женой (1750)]; *Юлия (вслух). <...> Между тем дочери его оглушают страстными плаксивыми песнями... Верьте мне, он с ними в заговоре. Нас здесь же-нить хотят. Рославлев старший (расхохотавшись): Какая мысль! а что? может быть.* [А.С. Грибоедов, П.А. Вяземский. Кто брат, кто сестра, или обман за обманом (1823)].

⁶ Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1: А–И / под ред. Л.П. Крысина. М.: Языки Славянской Культуры, 2016. 776 с.

⁷ Шимчук Э.Г., Щур М.Г. Словарь русских частиц = Berliner slawistische Arbeiten. Bd. 9 / hrsg. von W. Gladrow. Frankfurt am Main; Berlin; Bruxelles; New York; Wien: Peter Lang – Europäische Verlag der Wissenschaften, 1999. 146 S.

⁸ Словарь структурных слов русского языка / под ред. В.В. Морковкина. М.: Лазурь, 1997. 422 с.

⁹ Вопросительная частица *что* рассматривается, например, в [14, с. 79]: — *Ее муж... — А она что, замужем?*

¹⁰ Wahrig G. Deutsches Wörterbuch. Nachdr. der 7., vollständig neu bearb. und aktualisierte Aufl. auf der Grundlage der neuen amtlichen Rechtschreibregeln / neu hrsg. von R. Wahrig-Burfeind. Gütersloh; München: Bertelsmann Lexikon Verlag, 2001. 1451 p.

Оказывается, однако, что между синонимами имеются семантические различия, причем особенно яркие в функции вопроса о цели вопроса. *Wieso*, в отличие от *warum*, — это вопрос не просто о коммуникативном намерении собеседника, а еще о содержании: он включает предположение о том, что собеседнику ситуация почему-то кажется подозрительной или ненормальной [*≈ а что тут такого?*]¹¹. Чрезвычайно наглядно это проявляется в примере (4), в котором эти синонимы стоят рядом:

(4) Staatsanwalt: Nur noch eine Frage, Herr Sachtleben.

Sachtleben: Bitte.

Staatsanwalt: Haben Sie irgendeine Beziehung zu Jamaika?

Sachtleben: *Warum? Wieso?*

Staatsanwalt: Ich forsche nicht nach Ihren geschäftlichen Verbindungen, Herr Sachtleben, ich möchte lediglich wissen: Haben Sie, als Anatol Wadel an ihrem Gipskopf arbeitete, von Jamaika erzählt?

(M. Frisch. Rip van Winkle (Hörspiel). 17. Szene)

[Прокурор: Еще вопрос, г-н Захтлебен.

Захтлебен: Пожалуйста.

Прокурор: У вас есть какие-то связи с Ямайкой?

Захтлебен: [букв.] *Почему? А что?* (то есть первый вопрос относится к цели вопроса: *почему вы об этом спрашиваете?*, а второй — к причинам возможных претензий собеседника, выражая обеспокоенность говорящего)

Прокурор: Ваши бизнес-контакты меня не касаются, господин Захтлебен, я хочу только знать, рассказывали ли вы о Ямайке Анатолю Ваделю, когда он работал над вашей гипсовой головой? (перевод наш)]

Из последней реплики прокурора очевидно, что он действительно слышит здесь два разных вопроса, сначала объясняя, что не имеет в виду вмешиваться в бизнес г-на Захтлебена, а затем поясняя, что заинтересовало следствие в этой ситуации.

Русское *а что* может употребляться как аналог метакоммуникативного *warum* или *wieso*.

Рассмотрим пример нейтрального употребления *а что* (= *warum*):

(5) Она чувствовала себя очень бодро после последних событий. Смотрела на Ольгу с обожанием, но и с некоторым опасением тоже. — Фильмы про ниндзя видела по телеку? — Ольга вздохнула, присела на корточки и заглянула под днище «десятки». — *Да, а что?* — *Алена не поняла хода Ольгиных мыслей.* — Помнишь, там перед шеренгой врагов они обычно бросали шарики, которые взрывались с большущей вспышкой? — спросила Ольга и, засунув руку под днище, задумчиво подняла глаза к небу, а рукой принялась что-то ощупывать [Сергей Таранов. Мстители (1999)].

Очень важен здесь комментарий *Алена не поняла хода Ольгиных мыслей.* Действительно, *а что* показывает, что собеседник потерял нить разговора. Ср. также следующий пример, в котором слово *просто* в реакции первого говорящего на вопрос *а что?* показывает, что он сам понимает неожиданность своего вопроса о бабушке:

(6) — И не знали моей бабушки? — *Нет, а что?* — Просто вы рассказываете анекдоты, которые я слышал от нее пятьдесят лет назад [Коллекция анекдотов: анекдоты об анекдотах (1970–2000)].

Если в примере (6) вопрос с *а что* был вызван ощущением неуместности реплики собеседника, то в следующем примере *а что* свидетельствует о том, что говорящий хочет быть максимально кооперативным: понимая, что вопрос задан неспроста, он готов подстроиться под собеседника:

(7) — Слышь, Вилка, — зачастила Кристя, — ты дома будешь? — Пока *да, а что?* — Нам восьмой урок добавили [Дарья Донцова. Микстура от косоглазия (2003)].

¹¹ Подчеркнем, что эта черта присуща *wieso* только в метакоммуникативном употреблении. Так, в научном тексте с идеей подозрения это слово никак не связано; ср.: *Daher stellt sich die Frage, wieso eine konditionale Interpretation in diesen Fällen möglich ist* [По этой причине встает вопрос, почему в этих случаях возможна кондициональная интерпретация] [4, с. 706].

Другая характерная для использования *а что* стратегия — осторожность в сообщении информации, поиск уместного ответа. В следующем примере говорящий на всякий случай не спешит давать ответ, не удостоверившись в цели, чтобы не нарушить свои интересы:

(8) — Алло, это Рабинович? — *А что?* — Вы знаете, что в Нью-Йорке умер Ваш дядя? — И всё мне? — Вы знаете, сколько за ним долгов? — Послушайте, куда вы звоните? (<https://mybook.ru/author/v-zhiglov-5/evrejskie-anekdoty/citations/7539310/>).

В других случаях прямо ответить на вопрос мешает деликатность, когда человек боится своим ответом нарушить интересы собеседника:

(9) Я спрашиваю Чуйкова: «Вы ели?» — *А что?*. Он до сих пор ничего не ел. Идем «завтракать» [В.В. Вишневский. Дневники военных лет (1943–1945)].

Вопрос с *а что* может задаваться также в ситуациях, когда готового ответа у говорящего нет:

(10) Привет Скажи мне, Лена, во сколько ты будешь завтра в общежитии? Да я сама не знаю, *а что?* Хотя бы примерно Нууу [Переписка в icq между agd-ardin и Герда (17.03.2008)].

Вопрос с *а что?* может употребляться также, чтобы указать на то, что спрашивающий видит в ситуации что-то неправильное — этим он напоминает вопрос с *wieso* в немецком:

(11) — Ты это ешь собираешься? — *А что?*

Важно не «почему интересуешься», а «почему это тебя беспокоит». Такое *а что* можно заменить на *а что такого?*, *что здесь не так?*, *а в чем дело?*

(12) За обедом Фанни Соломоновна сказала мне с особой улыбкой: «Что же ты, сочинитель, не хочешь еще супу?» — *А что?* — спросил я с тревогой. «*Да ничего*» [Л.Д. Троцкий. Моя жизнь (1929–1933)] [= *а что не так?*].

В этом примере показательное словосочетание с *тревогой*, которое прямо указывает на беспокойство спрашивающего:

(13) — Две шайбы за такие деньги? — *Да, а что?* — ответил цыган. — Мало [Михаил Гиголашвили. Чертовое колесо (2007)] [= *а что такого?*].

(14) — Ночью — в сауну? — удивилась Катя. — *Да, а что?* Уложим этого арийца и пустимся во все тяжкие... [Татьяна Тронина. Никогда не говори «навсегда» (2004)] [= *а что особенного?*].

(15) За мостом у пассажира она оглянулась на сопевшую возле двери кондукторшу и задышала теплом ему в ухо: «Ты... ты Владу во всем доверяешь?» — «Конечно! Мы с ним с первого класса... *А что?*» — «*А то, что он или дурак, или провокатор!*» [Марина Вишневецкая. Вышел месяц из тумана (1997)].

Ответ с *а то* или с *да ничего* достаточно стандартный. Он показывает, что говорящий понимает, что *а что* собеседника было понято именно как «А что такого? А что здесь не так?».

Итак, русское *а что* — это вопрос или о цели вопроса («почему интересуетесь?» — *а твоё какое дело?*) или о том, что не нравится собеседнику: *а что такого?*, *что здесь не так?* — «в чем проблема». Это примерно соответствует различию между *warum* и *wieso* в немецком.

А что отличается от немецких аналогов еще и тем, что может употребляться не только как ответ на вопрос, но и как реакция на утверждение:

(16) — Послушайте, вы ходите за мною по пятам. — Ну да, *а что?* — Вы глаз с меня не сводите, я что, картинка вам? — Ну да, *а что?* — Вы вечно караулите меня на нашей улице. — Ну да, *а что?* — «Ну да, а что, ну да, а что», — заладил, словно дятел! — Ну да, *а что?* [Юлий Ким. Объяснение]

Употребление *а что* бывает неоднозначным, то есть не вполне понятно, употребляется *а что* нейтрально или «оборонительно». А следующий пример звучит абсурдно и комично, поскольку оба понимания неуместны:

(17) Елена рассказывала о какой-то своей давнишней знакомой, очень флегматичной еврейской барышне, которую в первые годы революции, на вузовской чистке, спросили, сочувствует ли она советской власти. — *Да, а что?* — ответила барышня [Л.Я. Гинзбург. Записные книжки. Воспоминания. Эссе (1920–1943)].

Непонятно, то ли барышня в критической ситуации светски интересуется у допрашивающих, с какой целью был задан вопрос, то ли предполагает, что в ее хорошем отношении к советской власти, с точки зрения спрашивающего, что-то не так.

Замечательно, что *а что* в качестве ответной реплики — довольно старая единица. В текстах XIX века встречается *а что* в значении ‘с какой целью интересуетесь’:

(18) — Послушай-ка, Юрий Дмитрич, — сказал запорожец, — пистолет-то у тебя знатный, да заряжен ли он? — *А что?* — Да так, боярин: дорожным людям дремать не надобно [М.Н. Загоскин. Юрий Милославский, или русские в 1612 году (1829)].

(19) — Знаете ли, матушка, кто этот офицер, который был сегодня у нас? — Не знаю, *а что?* — Мой смертельный враг, — отвечал он [М.Ю. Лермонтов. Княгиня Лиговская (1836–1837)].

(20) — Изволь. — Честное слово? — Честное слово. — Вот какая просьба: у тебя есть, чай, много умерших крестьян, которые еще не вычеркнуть из ревизии? — Ну есть, *а что?* — Переведи их на меня, на мое имя. — А на что тебе? — Ну да мне нужно. — Да на что? [Н.В. Гоголь. Мертвые души (1842)]

Встречаются в русской классике и примеры с *а что* в значении ‘что здесь не так’:

(21) Кочкарев. Ну вот, очень нужно поправлять стремешку.

Яичница (обращаясь к нему). Скажите, пожалуйста, невеста дура, что ли?

Кочкарев. *А что?* случилось разве что?

Яичница. Да непонятные поступки: выбежала, стала кричать: «Прибьет, прибьет!» Черт знает что такое!

Кочкарев. Ну да, это за ней водится [Н.В. Гоголь. Женитьба (1833–1842)].

(22) Проезжий не спрашивал себе ни чаю, ни кофию, поглядывал в окно и посвистывал к великому неудовольствию смотрительши, сидевшей за перегородкою. — Вот бог послал свистуна, — говорила она вполголоса. — Эк посвистывает — чтоб он лопнул, окаянный басурман. — *А что?* — сказал смотритель, — что за беда, пускай себе свищет. — Что за беда? — возразила сердитая супруга. — А разве не знаешь приметы? — Какой приметы? что свист деньгу выживает [А.С. Пушкин. Дубровский (1833)].

Параллельный корпус показывает, что есть разные практики перевода рассмотренных метакommunikативных слов. Наиболее типичной оказывается пара *warum* — *а что*:

(23) „Steinbrenner“, fragte Immermann, „hast du auch Nachrichten über Rußland mitgebracht?“ „*Warum?*“ „Weil wir hier sind. Einige von uns haben Interesse daran. Unser Kamerad Graeber zum Beispiel. Der Urlauber.“

— Штайнбреннер, — спросил Иммерман, — а про Россию у тебя новостей нету? — *А что?* — Мы-то здесь. Кой-кому из нас интересно. Например, нашему товарищу Греберу. Отпускнику [Erich Maria Remarque. Zeit zu leben und Zeit zu sterben (1954) | Эрих Мария Ремарк. Время жить и время умирать (Н.Н. Федорова, 2017)].

Иногда встречаются переводы с излишней экспликацией; ср. (24), где *а что?* вполне можно было бы перевести как *warum*:

(24) — Да-да, — нетерпеливо перебил мужчина. — Помнишь? — Помню. Как же не помнить такое? *А что?* Побеспокоили тебя? — Нет, нет, не волнуйся.

„Ja, ja“, unterbrach der Mann ihn ungeduldig. „Erinnerst du dich?“ „Natürlich. So etwas vergisst man nicht. *Warum fragst du?* Hast du Schwierigkeiten?“ „Nein, nein, mach dir keine Sorgen.“ [Александра Маринина. Украденный сон (1994) | Alexandra Marinina. Der Gestohlene Traum (Natascha Wodin, 2004)].

Иногда выбор необычного перевода диктуется семантическими особенностями исходной фразы, как в примере (25):

(25) „Alles Gute, mein Sohn, für dein weiteres Leben. Du warst eine Überraschung.“ „Sie nicht. Sie sind Rennfahrer, nicht wahr?“ „*Warum?*“ Hubert Göring zeigte auf eine fast abgewaschene Nummer unter dem Dreck auf der Kühlerhaube.

Бывай здоров, сын мой, удачи тебе. Ты, признаться, меня удивил. — А вы меня нет. Вы ведь гонщик? — *Откуда ты знаешь?* — Губерт Геринг кивнул на автомобильный номер на бампере, едва различимый под коростой грязи [Erich Maria Remarque. *Der Himmel kennt keine Günstlinge* (1961) | Эрих Мария Ремарк. *Жизнь взаимы, или У неба любимчиков нет* (М.Л. Рудницкий, 2018)].

— Всего хорошего, сын мой, всего хорошего на долгие годы. Ты стал для меня настоящим сюр-призом. — А вот вы... как раз — и нет. — Вы же гонщик, правда? — *А ты как догадался?* — Губерт Геринг ткнул пальцем на уже почти стершийся и едва видный под грязью номер на капоте машины [Erich Maria Remarque. *Der Himmel kennt keine Günstlinge* (1961) | Эрих Мария Ремарк. *Жизнь взаимы, или Небесам не ведомы любимцы* (Д.Н. Шаповаленко, 2017)].

Не случайно оба переводчика не воспользовались вариантом *а что*. *Warum?* здесь относится не к цели вопроса, а к источнику осведомленности собеседника.

Таким образом, анализ параллельного корпуса ясно дает понять, что русское *а что* и немецкие *warum* и *wieso* соотносятся довольно сложным образом, хотя в целом функционально близки и служат для метакоммуникации.

Место метакоммуникации в языке

Метакоммуникация — довольно распространенное явление в дискурсе. Люди часто обсуждают не только само высказывание, но и цели говорящих. Например, такие русские выражения, как *ты чего?*, *ты что*, *совсем уже?*, *ты что, с дуба рухнул?*, *ну-ну!*, *да ну тебя!* и т.п. могут не только оценивать поступки другого человека, но и служить реакцией на слова собеседника¹².

Рассмотрим такой диалог: — *Он завтра будет на работе?* — *Ты что, с ума сошел?* Если рассматривать этот диалог не в метакоммуникативном плане, он оказывается бессвязным. Второй говорящий отказывается обсуждать содержание первой реплики. Вместо этого он комментирует уместность вопроса собеседника. Ср. также диалог из мультфильма о Карлсоне, ставший мемом:

(26) — *Лучше так — восемь пирогов... и одна свечка, а?* — *Поверь мне, Карлсон, не в пирогах счастье... — Ты что, с ума сошел?* А в чем же еще?

Карлсон сначала выдает метакоммуникативную реакцию (*Ты что, с ума сошел?*), а потом все-таки реагирует на смысл высказывания Малыша (*А в чем же еще?*), то есть, конечно, в пирогах.

Приведем еще несколько примеров.

В следующем примере замечательно, что метакоммуникативное *Ты чего, совсем уже?!* служит переводом немецкого метатекстового *Quatsch!* [Ерунда!]:

(27) „Weißt du, was? Nimm wenigstens das Handy mit.“ Ich trippelte in meinem Kleid zur Tür und lugte vorsichtig in den Gang hinaus. „In die Vergangenheit? Meinst du, ich könnte dich von dort anrufen?“ „Quatsch!“

— Знаешь, что? Хотя бы телефон с собой возьми. — Я проковыляла в своем платье до двери и осторожно высунулась в коридор. — В прошлое взять? Позвонить тебе из прошлого? — *Ты чего, совсем уже?!* [Kerstin Gier. *Rubinrot* (2009) | Керстин Гир. *Рубиновая книга* (С. Вольштейн, 2012)]

Показательно, что метакоммуникативная реакция может быть не обязательно на слова собеседника, но и, например, на выражение его лица:

(28) — *Ты чего?* — спросил Федор Павлович, мигом заметив усмешку и поняв конечно, что относится она к Григорию.

„Was hast du?“ fragte Fjodor Pawlowitsch, der das Lächeln sofort bemerkt und natürlich erkannt hatte, daß es sich auf Grigori bezog [Ф.М. Достоевский. *Братья Карамазовы* (ч. 1–2) (1878) | Fjodor Dostojewski. *Die Brüder Karamasow* (1–2. Teile) (Hermann Röhl, 1923)].

¹² Заметим, что у русского союза *а то* в значении причины также имеются метакоммуникативные употребления. В предложении *Нет ли у тебя соли, а то у меня кончилась?* союз *а то* вводит указание не на причину какого-то положения вещей, а на причину просьбы, формулируемой в виде вопроса; см. подробнее [14, с. 315–329].

Отметим, что *Ты чего?* Довольно регулярно переводится на немецкий с помощью *Was hast du?* [Что с тобой?].

(29) — Признайся, тебе просто захотелось семейного уюта, но созданного чужими руками, и не пой мне песни про высокие чувства. А то я тебя не знаю! — *Да ну тебя*, Юрка, — вздохнула Настя. — Вечно ты все опошлишь.

„Gib es zu, du sehnst dich nach einem gemütlichen Heim, um das du dich selbst nicht zu kümmern brauchst. Mir brauchst du nichts von großen Gefühlen zu erzählen, dazu kenne ich dich zu gut.“ „*Immer dasselbe mit dir*“, erwiderte Nastja mit einem Seufzer, „du mußt immer alles plattwalzen.“ [Александра Маринина. Смерть и немного любви (1995) | Aleksandra Marinina. Tod und ein bißchen Liebe (Natascha Wodin, 2003)].

Героиня не отвечает на предположение, что ей захотелось семейного уюта, а вместо этого оценивает реплику собеседника как неуместную. Заметим, что немецкий перевод здесь не буквальный. Вместо *Да ну тебя!*¹³ переводчик пишет *Вечно с тобой одно и то же*. Не находится точного перевода для *Да ну тебя!* И в следующем примере:

(30) — Какие буквы? — Алфавит. Ты когда последний раз книжку в руках держал, а? — *Да ну тебя*, дядя Коля, чего ты измываешься. И без того паскудно.

„Wovon sprichst du?“ „Vom Alphabet. Wann hast du zum letzten Mal ein Buch in der Hand gehabt?“ „Hör auf, dich über mich lustig zu machen. Es ist alles sowieso schon zum Kotzen.“ [Александра Маринина. Украденный сон (1994) | Alexandra Marinina. Der Gestohlene Traum (Natascha Wodin, 2004)].

Немецкая фраза *Hör auf, dich über mich lustig zu machen* [Перестань надо мной смеяться] является эквивалентом всего предложения *Да ну тебя, дядя Коля, чего ты измываешься*.

Русская дублетная идиома *ну-ну*¹⁴ также обладает метакоммуникативным значением. Ср. толкование этого значения в АСРФ¹⁵: «Выражение скепсиса по поводу сказанного ранее и неодобрение такого хода мыслей» и примеры (31–33) из параллельного корпуса НКРЯ.

(31) — Ха-ха-ха! Так я и думал! Непременно чего-нибудь ждал в этом роде! Однако же вы... однако же вы... *Ну-ну!* Красноречивые люди! До свиданья, до свиданья!

„Hahaha! Hatte ich es mir doch gedacht! Ich habe erwartet, daß unfehlbar so etwas kommen würde! Aber Sie, aber Sie. *Nun ja*, schöne Phrasen haben diese Leute immer zur Hand! Auf Wiedersehen! Auf Wiedersehen!“ [Ф.М. Достоевский. Идиот (1868–1869) | Fjodor Dostojewski. Der Idiot (Hermann Röhl, 1920)].

(32) — Я к вашим услугам, — сказал Мак. — Тем более, что у меня тоже есть к вам вопросы. «*Ну-ну!* — мысленно одернул его прокурор, — не надо так откровенно, мы здесь не одни».

„Ich stehe zu Ihrer Verfügung“, sagte Mak. „Umso mehr, als auch ich Fragen an Sie habe.“ „*Na, na*“, wies ihn der Staatsanwalt im Stillen zurecht. „Nicht so offenherzig, wir sind hier nicht allein.“ [А.Н. Стругацкий, Б.Н. Стругацкий. Обитаемый остров (1969) | Arkadij Strugatzki, Boris Strugatzki. Die bewohnte Insel (Erika Pietraß, 1982)].

(33) — Ну что ж, вот еще два золотых, береги его. — Брат Нанин наклонился, ловя его руку. Румата отступил. — *Ну-ну*, — сказал он. — Это не самая лучшая из твоих шуток, брат Нанин.

„Na, da hast du noch zwei Goldstücke, und nimm dich seiner an!“ Bruder Nanin verbeugte sich tief und wollte seine Hand küssen. Rumata trat einen Schritt zurück. „*Na, na*“, sagte er, „du hast schon bessere Späße gemacht, Bruder Nanin.“ [А.Н. Стругацкий, Б.Н. Стругацкий. Трудно быть богом (1964) | Arkadij Strugatzki, Boris Strugatzki. Es ist nicht leicht, ein Gott zu sein (Hermann Buchner, 1990)].

Последний из примеров интересен тем, что реплика *ну-ну* является реакцией не на сказанное и не на ход мыслей собеседника, а на его действие. Правда это действие носит сугубо

¹³ Выражение *Да ну тебя!* в близком значении отмечается в [22, с. 74].

¹⁴ Подробнее о дублетных идиомах и, в частности о *ну-ну*, см. [23].

¹⁵ АСРФ — Академический словарь русской фразеологии / под ред. А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Лексрус, 2020. 1168 с.

семиотический характер и тем самым может рассматриваться как некое высказывание. Показательно также, что во всех примерах из русско-немецкого корпуса, где *ну-ну* уже задано в тексте оригинала, в качестве переводного соответствия подбирается наиболее близкое по функции (хотя и не полностью эквивалентное) сочетание немецких частиц с обязательным участием формально напоминающих *ну* частиц *na* и *nun*. Несколько иная картина наблюдается в переводах с немецкого. В немецком оригинале часто вообще отсутствует какой-либо маркер скептического отношения говорящего к словам и мыслям собеседника; ср. (34–35):

(34) „Du hast auch das Gefühl gehabt, gefilmt zu werden?“ „Das nicht. So technisch dachte ich nicht. Das Kamera-Auge war in meinem Fall Gottes Auge und das Dauerpublikum Gottvater selbst.“ „So lange hast du also an Gott geglaubt.“

— Выходит, и ты испытывала ощущение, будто тебя снимают на пленку? — Нет, столь технических ассоциаций у меня не возникало. Объективом камеры было в моем случае око Господне, а постоянным зрителем — сам бог-отец. — *Ну-ну*, долго же ты верила в бoga [Christa Wolf. *Kindheitsmuster* (1976) | Криста Вольф. *Образы детства* (Н. Федорова, 1989)].

(35) Der Artillerist grinst höhnisch. „Spann man! Verheb dich nicht dabei.“

Артиллерист иронически ухмыляется: — *Ну-ну*, осмотришься. Не надорвись только [Erich Maria Remarque. *Im Westen nichts Neues* (1929) | Эрих Мария Ремарк. *На Западном фронте без перемен* (Н. Федорова, 2014)].

Это заставляет предположить, что дублетная идиома *ну-ну* как маркер скепсиса специфична для русского языка, в то время как другие языки предпочитают выразить эту идею иными способами. Это могут быть либо чисто просодические особенности реплики, восстанавливаемые в письменном тексте на основе содержания диалога, либо эксплицитные указания в предшествующем авторском тексте; ср. в последнем примере: *grinst höhnisch* [иронически ухмыляется].

Мы перечислили лишь некоторые единицы, имеющие метакоммуникативную функцию. Вне всякого сомнения, в языке их не так уж мало, и они нуждаются в тщательном описании и сопоставительном изучении.

Заключение

Основной теоретический результат настоящей статьи состоит в том, что нам удалось выделить особый режим употребления языковых единиц, в котором они выполняют метакоммуникативную функцию. В частности, мы рассмотрели случаи, когда вопрос задается с целью выяснить коммуникативные намерения собеседника.

Метакоммуникация, по-видимому, имеет глубокие корни в самих функциях языка. Здесь можно вспомнить классическую работу Романа Якобсона «Лингвистика и поэтика» [24] и «фатическую» функцию языка: «Существуют сообщения, основное назначение которых — установить, продолжить или прервать коммуникацию, проверить, работает ли канал связи („Алло, вы меня слышите?“), привлечь внимание собеседника или убедиться, что он слушает внимательно („Ты слушаешь?“ или, говоря словами Шекспира, „Предоставь мне свои уши!“), а на другом конце провода: „Да-да!“). Эта направленность на *контакт*, или... *фатическая* функция, осуществляется посредством обмена ритуальными формулами или даже целыми диалогами, единственная цель которых — поддержание коммуникации. У Дороти Паркер можно найти замечательные примеры:

„— Ладно! — сказал юноша.

— Ладно! — сказала она.

— Ладно, стало быть, так, — сказал он.

— Стало быть, так, — сказала она, — почему же нет?

— Я думаю, стало быть, так, — сказал он, — то-то! Так, стало быть.

— Ладно, — сказала она.

— Ладно, — сказал он, — ладно“».

Рассмотренные в нашей работе примеры показывают, что в дополнение к единицам, обслуживающим поддержание контакта, язык вырабатывает и средства обсуждения этого контакта.

Семантика обнаруживает все новые слои смыслов, выражаемых языковыми единицами. Давно известно, что языковые выражения могут иметь метаязыковые значения, связанные с выбором слова, точностью или неточностью номинации и т.д.

Некоторое время назад внимание исследователей привлек тимиологический аспект семантики. Оказалось, что языковые единицы могут маркировать большую или меньшую важность тех или иных фрагментов высказывания (ср. *Не книга, а так, статья*). Затем лингвисты заинтересовались различными эффектами отчуждения и средствами, которые помечают фрагменты по степени готовности говорящего отвечать за них (ср. *Он тупа работает*). Далее обнаружилось, что языковые единицы могут осуществлять композиционную разметку текста, обозначая разные фрагменты как экспозицию, завязку и т.д. (ср. *Сижу это я, и тут...*). В этой статье отмечен еще один вид режимов употребления языковых единиц, позволяющих отделить собственно коммуникацию от метакоммуникации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Разлогова Е.Э. Логические отношения между смыслом и его компонентами // Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы. 1982. № 1. С. 14–20.
2. Разлогова Е.Э. Когнитивные установки в прямых и не прямых ответах на вопрос // Логический анализ языка: избр., 1988–1995 / сост. и отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2003. С. 195–211.
3. Богуславская О.Ю., Левонтина И.Б. Смыслы ‘причина’ и ‘цель’ в естественном языке // Вопросы языкознания. 2004. № 2. С. 68–88. URL: <https://vja.ruslang.ru/ru/archive/2004-2/68-88> (дата обращения: 09.09.2025).
4. Breindl E., Volodina A., Waßner U.H. Handbuch der deutschen Konnektoren 2: Semantik der deutschen Satzverknüpfen. Berlin; München; Boston: De Gruyter, 2015. DOI: 10.1515/9783110341447
5. Иорданская Л.Н. Семантика русского союза раз (в сравнении с некоторыми другими русскими союзами) // Russian Linguistics. 1988. Т. 12. Вып. 3. С. 239–267.
6. Иорданская Л.Н. Перформативные глаголы и риторические союзы // Wiener Slavistischer Almanach. Sbd. 33: Festschrift für Viktor Jul'evič Rozencvejk zum 80. Geburtstag / hrsg von T. Reuther, Wien: Verlag Otto Sagner, 1992. S. 29–41.
7. Санников В.З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве М.: Языки славянских культур, 2008. 624 с.
8. Урысон Е.В. Опыт описания семантики союзов. М.: Языки славянских культур, 2011. 339 с.
9. Пекелис О.Е. Иллокутивное употребление союзов: шкала иллокутивности и ее отражение в грамматике // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам международной конференции «Диалог 2018». М., 2018. С. 565–577.
10. Inkova O. Le relazioni logico-semantiche tra gli enunciati: una proposta di classificazione // Studi di linguistica slava / a cura di M. di Filippo, F. Esvan. Napoli: Il Torcoliere – Università degli Studi di Napoli “L'Orientale”, 2017. P. 105–123.
11. Зализняк Анна А. Раз уж на то пошло... // Язык как он есть: Сборник статей к 60-летию Андрея Александровича Кибрика / ред.-сост. Т.И. Давидюк, И.И. Исаев, Ю.В. Мазурова, С.Г. Татевосов, О.В. Федорова. М.: Буки Веди, 2023. С. 370–376. DOI: 10.37892/978-5-6049527-2-6-56
12. Hyland K. Metadiscourse: What is it and where is it going? // Journal of Pragmatics. 2017. Vol. 113, P. 16–29. DOI: 10.1016/j.pragma.2017.03.007
13. Pasch R., Brauße U., Breindl E., Waßner U.H. Handbuch der deutschen Konnektoren 1: Linguistische Grundlagen der Beschreibung und syntaktische Merkmale der deutschen Satzverknüpfen (Konjunktionen, Satzadverbien und Partikeln). Berlin; New York: De Gruyter, 2003. 800 S. DOI: 10.1515/9783110201666
14. Левонтина И.Б. Частицы речи. М.: Азбуковник, 2022. 431 с.

15. Добровольский Д.О., Зализняк Анна А. Об особом типе модальности необходимости: семантика немецкого глагола *sollen* по данным параллельных корпусов // Вопросы языкознания. 2021. № 6. С. 22–39. DOI: 10.31857/0373-658X.2021.6.22-39
16. Добровольский Д.О., Зализняк Анна А. Использование параллельного корпуса в семантическом анализе русской лексики: case study приспичило и норовить // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН. 2024. № 4. С. 60–77. DOI: 10.31912/pvrli-2024.4.4
17. Добровольский Д.О., Левонтина И.Б. Сопоставительное корпусное исследование глагола оскорбить и его немецких вариантов перевода: на материале параллельного корпуса НКРЯ // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика – 2023». СПб., 2024. С. 89–96.
18. Dobrovol'skij D., Röppel L. Russian constructions with *nu i* in parallel corpora // Productive Patterns in Phraseology and Construction Grammar. A Multilingual Approach // ed. by C. Mellado Blanco. Berlin; Boston: De Gruyter, 2022. P. 191–213. DOI: 10.1515/9783110520569-008.
19. Добровольский Д.О., Зацман И.М. Модель извлечения знания из параллельных текстов лексикографической информационной системы // Информатика и ее применения, 2024. Т. 18. Вып. 3. С. 97–105. DOI: 10.14357/19922264240312
20. Добровольский Д.О., Зацман И.М. Интеграция электронного двуязычного словаря с текстами параллельного корпуса: новый подход // Системы и средства информатики. 2025. Т. 35, № 1. С. 111–124. DOI: 10.14357/08696527250106
21. Падучева Е.В., Пекелис О.Е., Стойнова Н.М. Местоимение // Русграм. URL: <http://rusgram.ru/new/chapter/pos/pronoun/> (дата обращения: 09.09.2025).
22. Шаронов И.А. Междометия в речи, тексте и словаре. М.: РГГУ, 2024. 349 с.
23. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Идиоматичность дублетных форм // Вопросы языкознания. 2019. № 6. С. 51–67. DOI: 10.31857/S0373658X0007546-9
24. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против»: сб. ст. / под ред. Е.Я. Басина, М.Я. Полякова. М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.

REFERENCES

- [1] Razlogova Ye.E., Logicheskiye otnosheniya mezhdu smyslom i yego komponentami [Logical relations between meaning and its components], Scientific and Technical Information Processing. Series 2: Informatsionnyye protsessy i sistemy [Information processes and systems], 1 (1982) 14–20.
- [2] Razlogova Ye.E., Kognitivnyye ustanovki v pryamykh i nepryamykh otvetakh na vopros [Cognitive attitudes in direct and indirect answers to the question], Logicheskii analiz yazyka: izbr., 1988–1995 [Logical analysis of language], comp. and ed. by N.D. Arutyunova, Indrik, Moscow, pp. 195–211.
- [3] Boguslavskaya O.Yu., Levontina I.B., The meanings “cause” and “goal” in a natural language, Topics in the Study of Language, 2 (2004) 68–88. Available at: <https://vja.ruslang.ru/ru/archive/2004-2/68-88> (accessed 09.09.2025).
- [4] Breindl E., Volodina A., Waßner U.H., Handbuch der deutschen Konnektoren 2: Semantik der deutschen Satzverknüpfers, De Gruyter, Berlin, München, Boston, 2015. DOI: 10.1515/9783110341447
- [5] Iordanskaya L.N., Semantika russkogo soyuza raz (v sravnenii s nekotoryimi drugimi russkimi soyuzami) [Semantics of the Russian conjunction *raz* (in comparison with some other Russian conjunctions)], Russian Linguistics, 12 (3) (1988) 239–267.
- [6] Iordanskaya L.N., Performativnyye glagoly i ritoricheskiye soyuzy [Performative verbs and rhetorical conjunctions], Wiener Slavistischer Almanach. Sbd. 33: Festschrift für Viktor Jul'evič Rozen-cvejg zum 80. Geburtstag, hrsg. von T. Reuther, Verlag Otto Sagner, Wien, 1992, pp. 29–41.
- [7] Sannikov V.Z., Russkij sintaksis v semantiko-pragmatischeskom prostranstve [Russian syntax in the semantic-pragmatic space], Languages of Slavic Cultures, Moscow, 2008.
- [8] Uryson E.V., Opyt opisaniya semantiki soyuzov [Towards describing the semantics of conjunctions], Languages of Slavic Cultures, Moscow, 2011.
- [9] Pekelis O.E., Speech Act Conjunction: The Scale of Speech Act Use and Its Manifestation in Grammar, Kompyuternaya lingvistika i intellektualnyye tekhnologii: po materialam mezhdunarodnoy konferentsii “Dialog 2018” [Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Papers from the Annual International Conference “Dialogue 2018”], Moscow, 2018, pp. 565–577.

- [10] **Inkova O.**, Le relazioni logico-semantiche tra gli enunciati: una proposta di classificazione, *Studi di linguistica slava*, a cura di M. di Filippo, F. Esvan, Il Torcoliere – Università degli Studi di Napoli “L'Orientale”, Napoli, 2017, pp. 105–123.
- [11] **Zaliznyak Anna A.**, Raz uzh na to poshlo... [Since we're on the subject...], *Yazyk kak on yest: Sbornik statey k 60-letiyu Andrey Aleksandrovicha Kibrika* [Language as it is. Collection of articles for the 60th anniversary of Andrei Aleksandrovich Kibrik], comp. and ed. by T.I. Davidyuk, I.I. Isayev, Yu.V. Mazurova, S.G. Tatevosov, O.V. Fedorova, Buki Vedi, Moscow, 2023, pp. 370–376. DOI: 10.37892/978-5-6049527-2-6-56
- [12] **Hyland K.**, Metadiscourse: What is it and where is it going?, *Journal of Pragmatics*, 113 (2017) 16–29. DOI: 10.1016/j.pragma.2017.03.007
- [13] **Pasch R., Brauße U., Breindl E., Waßner U.H.**, *Handbuch der deutschen Konnektoren 1: Linguistische Grundlagen der Beschreibung und syntaktische Merkmale der deutschen Satzverknüpfers (Konjunktionen, Satzadverbien und Partikeln)*, De Gruyter, Berlin, New York, 2003. DOI: 10.1515/9783110201666
- [14] **Levontina I.B.**, *Chastitsy rechi* [Particles of speech], Azbukovnik, Moscow, 2022.
- [15] **Dobrovol'skij D.O., Zaliznyak Anna A.**, On a special type of necessity modality: The German verb *sollen* viewed from parallel corpora, *Topics in the Study of Language*, 6 (2021) 22–39. DOI: 10.31857/0373-658X.2021.6.22-39
- [16] **Dobrovol'skij D.O., Zaliznyak Anna A.**, Parallel corpus in the semantic analysis of Russian lexical units: case study *prispichilo* ‘have an urge’ and *norovit* ‘to be eager’, *Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute*, 4 (2024) 60–77. DOI: 10.31912/pvrli-2024.4.4
- [17] **Dobrovol'skij D.O., Levontina I.B.**, Contrastive corpus analysis of the Russian verb *oskorbit* ‘insult’ and its German correspondences: based on the parallel corpus of the RNC, *Proceedings of the International Conference “CORPUS LINGUISTICS – 2023”*, St Petersburg, 2024, pp. 89–96.
- [18] **Dobrovol'skij D., Pöppel L.**, Russian constructions with *nu i* in parallel corpora, *Productive Patterns in Phraseology and Construction Grammar. A Multilingual Approach*, ed. by C. Mellado Blanco, De Gruyter, Berlin, Boston, 2022. pp. 191–213. DOI: 10.1515/9783110520569-008
- [19] **Dobrovol'skij D.O., Zatsman I.M.**, A model for extracting knowledge from parallel texts of a lexicographic information system, *Informatics and its Applications*, 18 (3) (2024) 97–105. DOI: 10.14357/19922264240312
- [20] **Dobrovol'skij D.O., Zatsman I.M.**, Integration of a digital dictionary with parallel corpus texts: a new theoretical approach, *Systems and Means of Informatics*, 35 (1) (2025) 111–124. DOI: 10.14357/08696527250106
- [21] **Paducheva E.V., Pekelis O.E., Stoyanova N.M.**, *Mestoimeniye* [Pronoun], *Rusgram*. Available at: <http://rusgram.ru/new/chapter/pos/pronoun/> (accessed 09.09.2025).
- [22] **Sharonov I.A.**, *Mezhdometiya v rechi, tekste i slovare* [Interjections in speech, text and dictionary], RGGU, Moscow, 2024.
- [23] **Baranov A.N., Dobrovolskiy D.O.**, Idiomaticity of reduplicated forms, *Topics in the Study of Language*, 6 (2019) 51–67. DOI: 10.31857/S0373658X0007546-9
- [24] **Jakobson R.**, *Linguistics and Poetics*, *Strukturalizm: “za” i “protiv”* [Structuralism: pros and cons], ed. by Ye.Ya. Basin, M.Ya. Polyakov, Progress, Moscow, 1975, pp. 193–230.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Добровольский Дмитрий Олегович

Dmitrij O. Dobrovol'skij

E-mail: dobrovol'skij@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4531-6968>

Левонтина Ирина Борисовна

Irina B. Levontina

E-mail: irina.levontina@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7368-2135>

Поступила: 30.07.2025; Одобрена: 27.08.2025; Принята: 08.09.2025.

Submitted: 30.07.2025; Approved: 27.08.2025; Accepted: 08.09.2025.